

Этика деловых отношений, как основа развития общества

*Директор института экономики
КарНЦ РАН,
д.т.н., профессор
А.И. Шишкин*

Принципиальное различие культурных архетипов - русского и западного (американского в особенности) отчетливо просматривается на отношении к богатству. “Не в деньгах счастье” - кто из нас не вспоминает эту “премудрость” чуть ли не каждый день в одних случаях себе в утешение в других - в оправдание. Николай Онуфриевич Лосский в своей книге “Характер русского народа” пишет, что истинный русский не стесняется богатства. Как несовместимы утилитарист Франклин и правдолюб Толстой. На первом месте в мученических исканиях Толстого стоит **душа, вера, любовь, истина, совесть**. По Франклину: честность полезна, потому что она приносит кредит.

Профессиональная хозяйственная этика, лежащая в основании всей современной философии бизнеса, осуждает богатство только (и только !) в той мере, в какой богатство способствует распущенности, бездеятельности, развивает беззаботность, бесполезное или показное транжирство денег. Суть профессионального призвания человека и заключается в том, чтобы приумножать богатство, делать деньги - “без ущерба для души своей и не во вред другим”.

То есть в западной капиталистической этике всегда, раньше и теперь обогащение - своеобразный категорический императив: “Для Бога следует вам трудиться и богатеть”.

У Вебера встречается любопытное свидетельство: *по протестантским представлениям желание стать бедным равносильно желанию заболеть!* В параграфы предпринимательской морали абсолютно не вписываются такие весьма распространенные на Руси явления как: бродяжничество, кликушество, нищенство, попрошайничество. Все это безоговорочно расценивается как недопустимая в благородном обществе патология. Мне кажется, несчастный Г. Карлович Пекторалис как бы ни напрягал свою железную волю, сойдет с ума и поймет - таки трансцендентного “русского”, который “счастья не ищет и не от счастья бежит”.

В протестантском мире никогда не появится Фома Гордеев. Поведение московского фабриканта Николая Шмидта, передавшего все наследство проле-

тарской партии, вряд ли найдет отклик в душе берлинского бурша. Одна из пуританских заповедей гласит: “Подаяние - не милосердие”. А вот в “Поучениях” Владимира Мономаха встречается, между прочим, такое суждение “Тремя добрыми делами можно от греха избавиться и царствия Божьего не лишиться: покаянием, слезами и милостынею.

Вступавшие на путь капиталистического развития западные страны в той или иной мере проходили суровую школу кальвинизма с его безоговорочным отказом от “радостей жизни”. В повести - новелле **“Совесть против насилия”** Стефан Цвейг предлагает почти документальную иллюстрацию лишений и ограничений, на которые обречен каждый прозелит. Запрещены дорогие туалеты, пышные прически. Запрещено и вино, за исключением местного, красного. Запрещено употреблять в пищу паштеты, дичь, сласти. Запрещено, запрещено, запрещено. **“Ужасный ритм!”** - воскликнул писатель. Разрешено лишь жить, умирать, работать и слушаться, ходить в церковь. Впрочем, последнее не только разрешено, но и предписано законом и неисполнение этого предписания жестоко карается. Горе бюргеру, пропустившему проповеди своего приходского священника - две в воскресенье, три - на неделе. и назидательный урок для детей! Ни разу за весь божий день не облегчается ярмо принуждения неумолим круговорот долга, долга, долга. После дневных трудов ради хлеба насущного служение Богу; неделя - для работы воскресенье - для церкви.

Каким контрастом на этом фоне выглядят знаменитые балы в русском дворянском собрании! Купеческие обеды в “Праге” в Москве или у Донона в Петербурге. Какое невиданное на Западе обилие черной и красной икры, белорыбицы, водки, дорогих сластей! Не знающий удержу разгул, беспредельно щедрый размах! Здесь правит душою одно: “Не ударить в грязь лицом”. Летят кредитки под ноги лихим цыганам, за одну ночь проигрываются в карты поместья. В запале проматываются целые состояния. Живы, живы византийские традиции!

Византийский же император облачен в златотканые одежды, украшенные драгоценными камнями. Он принимает иностранных гостей и послов в сплошь покрытом золотом тронном зале, за чем следует поражающий своей роскошью самое пылкое воображение. Так не оттуда ли изумляющие обилием вин и яств “царевы трапезы” Ивана Васильевича Грозного. Шутейные ассамблеи Петра Великого. Не оттуда ли и удалой казак Степан Тимофеевич Разин со своим царственным подарком Волге - матушке.

Сын Огюста Ренуара вспоминает о своем дяде, брате православного художника, вывезенном в Россию одним из великих князей. В Северной Пальмире месяце настолько вошел во вкус русской жизни, что в один миг спустил все состояние, которое по обычаю предков собирал первое время, будучи модным